

Сказав это, он встал и начал собирать вещи. Цинь Юй резко схватил его и, сдерживая гнев, проревел:

— Говори, что ты думаешь!

Керамическая кружка выскользнула из рук Ши Чу, упала на пол и разбилась, осколки покатались под диван.

Услышав звук, он вздохнул:

— У меня нет никаких мыслей, и я не злюсь. Мне действительно нужно в университет, научный руководитель торопит. Цинь Юй, можешь отпустить меня?

— Ладно, тьфу ты... — Цинь Юй редко так злился, но в итоге не смог сказать ничего обидного. В конце концов, он просто разжал руку и, хлопнув дверью, вышел.

Ши Чу вдруг почувствовал, как глаза начали слезиться, но в то же время он ощутил облегчение. В тот же вечер он вернулся в университет.

Позже он полностью погрузился в работу над статьей и почти не связывался с Цинь Юем, пока через две недели, после отправки статьи, не увидел того, сидящего у двери его общежития.

Цинь Юй был в деловом костюме, видимо, только что пришел с работы, и, подняв на него жалобный взгляд, сказал:

— Прости, ты закончил? Вернемся домой, хорошо?

Ши Чу смутно подумал, что, кажется, именно с того момента Цинь Юй стал все чаще вступать с ним в конфликты. Теперь любая мелочь в повседневной жизни могла стать причиной его гнева. После каждого выплеска эмоций он извинялся, но интервалы между его вспышками и извинениями становились все длиннее, а в его глазах все чаще появлялась усталость. Ши Чу старался не замечать этих деталей, но подсознание подсказывало ему, что Цинь Юй постепенно отдаляется.

Поэтому Старина Ян сказал, что это не похоже на него. Раньше он знал, что Цинь Юй найдет его, опустит глаза и смиренно попросит прощения, мягко скажет: «Я был неправ». В этой атмосфере спокойствия он мог погрузиться в свой маленький мир, временно спрятаться, чтобы избежать неразрешимых конфликтов. Он не боялся, что его никто не найдет и не вытащит обратно. С одной стороны, он был готов к тому, что однажды Цинь Юй больше не захочет быть с ним, и тогда он уйдет, не оглядываясь. С другой — он верил в чувства Цинь Юя.

Но сейчас он начал сомневаться.

Разум подсказывал ему, что он должен первым предложить расстаться, прежде чем Цинь Юй скажет это, и уйти без сожалений. Но в душе Ши Чу надеялся, что однажды Цинь Юй снова станет таким же пылким, как раньше.

Хотя он сам понимал, что эта надежда была смешной и бесполезной попыткой утешить себя, как утопающий, хватающийся за соломинку.

На улице снова начал идти снег, небо было затянуто тяжелыми тучами, в комнате стояла полная тишина. Прошло неизвестно сколько времени, прежде чем Старина Ян встал, закрыл шторы и включил торшер рядом с диваном. Теплый желтый свет мягко окутал Ши Чу.

— Если не хочешь идти домой, оставайся здесь. Если проголодаешься, в холодильнике есть еда, если устанешь — иди спать в дальнюю комнату, если скучно — играй или читай, — сказал Ян, вручая Ши Чу чашку горячего чая. — Я могу быть слушателем, но я вижу, что ты сам не можешь объяснить, что происходит. Не говори, просто подумай.

Ян взял Доушу на руки:

— Я пойду в комнату посмотреть фильмы и гладить кошку. Если захочешь, приходи.

Ши Чу кивнул. Сейчас его мысли были в хаосе, и ему действительно нужно было тихое и уютное место.

Старина Ян, шлепая в шлепанцах, пошел в свою комнату, бормоча себе под нос:

— Почему все ко мне идут за советами по чувствам? Я ведь не психолог.

Ши Чу улыбнулся — на этот раз искренне. Он вспомнил Яна в университете. Несмотря на то, что они были ровесниками, Ян всегда излучал спокойствие, как старший. Поэтому к нему выстраивались очереди желающих поговорить, как к школьному психологу.

У Ши Чу с детства было мало друзей, точнее, тех, с кем он поддерживал долгие отношения. В школе, в университете — в каждой среде он мог легко находить общий язык с окружающими, вместе есть, ходить на занятия или играть. Хотя большую часть времени он предпочитал быть один, он не был замкнутым, по крайней мере, внешне.

Но как только он покидал привычную среду, он переставал поддерживать связь с этими «друзьями». Он не хотел и не знал, как поддерживать отношения, если видишься редко. Исключением были только двое — Цинь Юй и Старина Ян.

Ян редко чем-то увлекался всерьез. У него был свой способ наслаждаться жизнью, и он мало интересовался тем, как живут другие. Он не был высокомерным, не любил поучать и даже не старался утешать. Часто то, о чем ему говорили утром, к вечеру он уже забывал. Поэтому с ним можно было делиться чем угодно, не боясь последствий.

Иногда Ши Чу думал, что если бы он сейчас сказал Яну, что убил человека, тот просто кивнул бы и спросил:

— Ты придумал, как с этим справиться?

Если бы Ши Чу ответил «да», Ян просто кивнул бы в знак согласия, не спрашивая подробностей. Если бы он сказал «нет», Ян не дал бы советов, а просто сказал бы:

— Тогда подумай еще.

Именно благодаря такому безразличному отношению между ними сложилась странная дружба. Они могли месяцами не общаться, но в любой момент Ши Чу мог прийти к Яну без лишних слов, и тот принимал его без вопросов.

Ян точно чувствовал дистанцию: он не вмешивался в жизнь Ши Чу, но и не позволял их отношениям становиться формальными. Это давало Ши Чу ощущение спокойствия, ему не приходилось тратить лишние силы на поддержание отношений или бояться, что его пространство будет нарушено.

Если бы Цинь Юй... если бы Цинь Юй...

Ши Чу откинулся на спинку дивана, прикрыл глаза рукой и глубоко вздохнул.

Если бы Цинь Юй был таким же, как Ян...

Ши Чу попытался представить это, но в его сердце внезапно возникло странное чувство потери. В таком случае он бы лишился своей привилегии быть любимым.

—

Дома никого не было, и Ши Чу остался у Яна на два дня. На третье утро, когда нужно было идти в университет, он медленно собирался, долго держал Доушу на руках и не хотел отпускать.

— Либо заходи, либо уходи, не оставляй дверь открытой, холодно, — сказал Ян, стоя в дверях с зубной щеткой во рту и подняв три пальца. — Через три минуты отпускаяй кошку и уходи.

Ши Чу медлил не только из-за того, что не хотел расставаться с кошкой, но и потому, что не хотел идти в университет. Повседневная жизнь доктора технических наук не была легкой. График 9-9-6 был нормой, лаборатория стала его рабочим местом, и иногда, ради получения данных, приходилось проводить эксперименты всю ночь. К тому же он сильно отстал в работе над статьей, и одна мысль о предстоящих скучных и утомительных днях вызывала у него тоску.

Наконец, с неохотой отпустив кошку, Ши Чу подошел к лифту, но был остановлен Яном.

Тот спросил:

— Цинь Юй в последние дни не связывался с тобой?

Ши Чу кивнул.

Выражение лица Яна стало странным, словно он колебался. Лифт уже приехал, Ши Чу зашел в него, и, прежде чем двери закрылись, он услышал слова Яна:

— Цинь Юй вчера вечером спросил, не у меня ли ты. Он просил передать, чтобы ты на этой неделе нашел время вернуться домой. Ему нужно с тобой поговорить.

Не было сил анализировать, почему Цинь Юй теперь даже не мог сказать это лично. В сердце Ши Чу крепло предчувствие, что, несмотря на то, что он не знал, с каким выражением лица и в каком тоне Цинь Юй говорил это Яну, он знал, что новости, которые тот собирался сообщить, будут самыми нежелательными.

С тяжелым сердцем он пришел в университет и, стоя перед дверью лаборатории, почувствовал неладное.

Внутри было слишком тихо.

Эксперименты — это не операции, и когда научного руководителя нет, атмосфера в лаборатории обычно оживленная. Все делают свою работу, болтают и шутят, чтобы скрасить скуку. Поэтому сегодняшняя тишина казалась странной.

Не исключено, что руководитель был внутри, но более вероятно... Ши Чу толкнул дверь лаборатории, но сам не вошел.

Сверху упал пустой таз, с грохотом ударившись об пол.

Ши Чу стоял за дверью, глядя на нескольких человек, присевших внутри. Через полминуты одна девушка бросилась к нему и обняла.

— Старший! Наконец-то ты вернулся, мы так по тебе скучали.

Это была Хэ Е, его младшая коллега, симпатичная девушка со второго курса магистратуры.

<http://bllate.org/book/16893/1566309>